

Платонова Елена Дмитриевна

Platonova Elena Dmitrievna

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н./профессор

E-Mail: platonova.e@mal.ru

Платонов Андрей Юрьевич

Platonov Andrey Yurievich

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

ассистент кафедры экономической теории

Assistant of Chair of Economics

Адельфинский Алексей Олегович

Adelfinskiy Alexei Olegovich

Московский государственный областной университет

Moscow State Regional University

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н./профессор

E-Mail: bcm2010@rambler.ru

Дик Владимир Владимирович

Dik Vladimir Vladimirovich

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Заведующий кафедрой Информационного менеджмента и электронной коммерции

Head of Chair of Information management and e:Commerce

Д.э.н./профессор

E-Mail: conferencarticle@bk.ru

Зайцев Николай Семенович

Zaitsev Nikolay Semenovich

Финансово-промышленный университет «Синергия»

Finance and Industry University “Synergy”

Преподаватель кафедры экономической теории

Lector of Chair of Economics

Д.э.н./профессор

08.00.01 Экономическая теория

Инвестиционная практика трансформационной экономики: теоретико-методологический аспект анализа

Investment practice of transformational economy: theoretical and methodological aspects of analysis

Аннотация: Авторы рассматривают процессы трансформации инвестиционной сферы российской экономики как отражение положений функционального теоретико-методологического подхода; анализируют причины инвестиционного кризиса в отечественной экономике; определяются черты трансформационной экономики; обосновывают необходимость смены теоретико-методологического основания государственной инвестиционной политики

The Abstract: Authors have considered the processes of transformation of the investment sphere of Russian economy as the reflection of provisions of the functional theoretical and methodological approach; have given the analysis of the reasons of investment crisis in domestic economy; have defined the features of the transformational economy; have proved the need of changing theoretical and methodological basis of the State investment policy.

Ключевые слова: Трансформационная экономика, функциональная теоретико-методологическая концепция, этапы приватизации, трансформационный шок, инвестиционный кризис, источники накопления, инвестиции в реальный сектор экономики, типы воспроизводства, государственная инвестиционная политика, инновации.

Keywords: Transformation economy, functional theoretical and methodological concept, stages of privatization, transformational shock, investment crisis, sources of accumulation, investment in the real sector of economy, the types of reproduction, State investment policy, innovation.

***

Актуальность теоретико-методологической проработки проблем, связанных с расширенным воспроизводством социально-экономических основ российского общества, в настоящее время диктуется многими обстоятельствами. Среди них особо выделим определенную неудовлетворенность наличным уровнем экономических знаний, которые были положены в основание концепции рыночной трансформации советской экономики, и служили теоретико-методологическими ориентирами при формировании социально-экономической стратегии российского государства на протяжении последних двадцати лет.

В настоящее время российская экономика не сформировала достаточных источников расширенного воспроизводства для быстрого развития и качественного роста. Постоянное ожидание прямых иностранных инвестиций и перелива финансовых средств из глобальной экономики тормозит решение вопроса о стимулировании внутренних источников расширенного воспроизводства и создание условий для формирования качественно нового технико-технологического уклада, характерного для инновационного типа экономики. Опора на частных инвесторов, как главный посыл в государственной инвестиционной стратегии, пока не обеспечила ощутимых результатов в развитии реального сектора российской экономики.

Необходима корректировка теоретической концепции развития отечественной экономики и определение перспективных направлений экономических знаний, которые бы соответствовали потребностям и вызовам современного социально-экономического развития России.

Практика трансформационных лет в нашей стране наглядно показала, что ориентация властных структур на один из теоретико-методологических подходов, а, именно, функциональный подход к объяснению основных трендов экономической действительности и ее важнейших феноменов – воспроизводства и накопления, не принесла ожидаемых народнохозяйственных выгод и всеобщего народного благоденствия. Более того привела к невиданному по своим масштабам инвестиционному кризису, и, как следствие, разрушению материально-технических основ российской экономики, массовому обнищанию российских домохозяйств и деградации всех элементов расширенного воспроизводства.

Трансформационный период в эволюции отечественной экономики начался с выбора наиболее радикального пути ликвидации явления, лежавшего на поверхности воспроизводственных отношений – товарного «дефицита», с целью достижения рыночного равновесия спроса и предложения при одновременных мерах по подавлению инфляции монетарными методами.

Инструментами качественных изменений воспроизводственного механизма советской экономики, исходя из функциональной парадигмы экономического знания, были избраны отпуск (либерализация) оптовых и розничных цен, внешнеэкономическая деятельность и финансовая стабилизация.

При помощи данных инструментов был фактически запущен механизм разрушения основ жизнеобеспечения общества. Катастрофические последствия применения данных инструментов для домохозяйств и производительных секторов экономики ощутимы и в настоящее время. Следствием проводимой экономической политики стало еще одно экономическое потрясение – дефолт августа 1998 года, которое, вместе с тем, можно считать точкой переосмысления пагубности проводимого курса и перехода ко второму этапу трансформационных преобразований.

На протяжении первого этапа трансформации (1992-1998 гг.) инвестиционный климат был предопределен практикой разрушения советской экономической структуры при помощи манипулирования как денежной массой, так и ценами, выступающими не только «сигнальной системой» наличных потребностей хозяйствующих субъектов и потребителей, но и выполняющими функцию возмещения затрат факторов производства.

При росте цен в 2177 раз за период 1992-1996 гг. денежная масса выросла только в 331,3 раза. Это спровоцировало массовые неплатежи и натурализацию обмена (бартер). Скорость обращения различных компонентов денежной массы выросла примерно в 6-7 раз. Правительственные меры по борьбе с инфляцией привели к тому, что в 1995-1996 гг. отношение показателя объема денежной массы M_2 к годовому объему ВВП составило всего 10 – 12%. В конце 90-х годов прошлого века оно составляло около 70-75%. Доля натурального обмена у предприятий обрабатывающей промышленности поднялась с менее чем 10% в 1992 г. до 17% – 22% в 1994 – 1995 гг., а к середине 1996 г. вышла на рекордный для мирного времени уровень в 38% [1, С.20].

Макроэкономические показатели за первый год либерализации цен (1992 год) резко ухудшились: ВВП упал на 19%; объем промышленного производства – на 18%; а индекс потребительских цен составил 26100%. В целом за период 1992–1996 гг. индекс цен производителей промышленной продукции возрос в 3865,8 раза, а рост цен в сырьевых отраслях значительно опережал рост цен в отраслях, производящих конечную продукцию [1, С.12].

Накопленные сбережения домохозяйств обесценились и перестали «давить» на быстро формировавшийся рынок потребительских товаров и услуг. При обвальном росте оптовых цен производителей и резком снижении спроса на готовую продукцию денежные средства, накопленные в инвестиционных фондах всех хозяйствующих единиц, включая амортизацион-

ные отчисления советских предприятий, потеряли свою покупательную способность. Внутренний источник накопления – сбережения населения и фонд накопления – был практически уничтожен.

Либерализация внешнеэкономических связей, отказ государства от монополии на внешнюю торговлю создали принципиально новую ситуацию для отечественных хозяйствующих субъектов. Они быстрыми темпами «выдавливались» из товарной сферы валом импортных товаров, завезенных многочисленными торгово-посредническими фирмами со всех концов глобальной экономики (Турция, Китай, Бразилия и другие).

Рыночные механизмы взаимосвязи платежеспособного спроса и предложения могут выполнять свои функции при наличии обособленных товаропроизводителей, наделенных экономической свободой и выбором. Максимальная обособленность хозяйственных субъектов и максимальная их ответственность за экономическое благополучие согласно неоклассическим концепциям возможны при частной собственности, как ведущего социально-экономического отношения в системе производственных отношений общества. Весь конструкт трансформации экономических основ советского общества базировался на теории рациональности экономического человека, как наиболее эффективного собственника, рационально хозяйствующего во благо себя и всего общества.

Воссозданию института частной собственности на базе высоко обобществленной советской экономики, которая характеризовалась наличием глубоких кооперационных связей, непрозрачных для исследователей технико-технологических и организационно-экономических отношений, была посвящена та часть трансформационной программы, которая известна как программа разгосударствления и приватизации государственной собственности. Этот процесс определялся как трансформация большей части государственной собственности в частную собственность с целью усиления хозяйственных мотиваций, повышения материальной заинтересованности и ответственности, необходимых для эффективного функционирования рыночных механизмов.

На основе частной собственности в инвестиционной сфере реальной экономики создавалась новая система ее основных субъектов с новым мотивационным механизмом и ориентацией на прибыльность инвестиционной деятельности хозяйствующих агентов, характерной для экономики рыночной координации.

Под разговоры отечественных публицистов о демократизации, поиске механизмов соединения работника с собственностью, ликвидации бесхозности государственной собственности шаг за шагом воссоздавалась система производственных отношений, которая в формационном подходе к периодизации эволюции экономической жизни общества обозначена как капиталистическая система рыночной координации. В этом отношении справедлив вывод о том, что решение о начале приватизации в Российской Федерации было в начале 90-х годов ключевым элементом экономической реформы.

Ретроспективный анализ трансформации государственной собственности в частную собственность позволяет выделить несколько этапов данного процесса.

Поскольку на первом этапе (1992–1994 гг.) политические мотивы возобладали над экономическими, то вопросы обеспечения технико-технологического прогресса и народнохозяйственной эффективности не ставили и не решались.

На данном этапе было приватизировано 47 % от общего количества предприятий, на которых было произведено 62% ВВП страны. Негосударственный сектор в отечественной экономике стал доминирующим. Согласно концепции реформаторов наличие частного сектора должно было обеспечить невозвратность к прежней социальной системе. Однако именно в год окончания рассматриваемого этапа наблюдался наибольший спад производства продук-

ции в обрабатывающей промышленности – 47%, включая машиностроение (38%), химическую и нефтехимическую отрасль (29 %), лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную (31%) [8, С.14].

Теоретическое обобщение фактов исторического и эволюционного развития капиталистических отношений в конкурентной борьбе с крупными земельными собственниками в конце 18- начале 19 века, сделанные экономистами того времени, не обеспечивало достоверным знанием о том, как должна производиться приватизация высоко обобщественного сектора отечественной промышленности и крупного сельскохозяйственного производства, находящихся в государственной собственности. Закон РСФСР от 3 июля 1991 г. № 1529-1 «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР», который предусматривал именные приватизационные счета для зачисления на них государственных средств без права продажи, был признан недействующим Указом Президента РФ.

Правовой основой для ваучерной обезличенной приватизации стал пакет Указов Президента РФ от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации», от 14 октября 1992 г. № 1229 «О развитии системы приватизационных чеков в Российской Федерации» и от 6 октября 1993 г. № 1591 «О продлении срока действия приватизационных чеков выпуска 1992 года». Данные указы создали условия для возникновения виртуальных финансовых инструментов инвестирования – ваучеров. Они вскоре были сконцентрированы в руках экономических агентов, немотивированных на инвестирование в реальный сектор экономики с целью повышения его эффективности. Дальнейшая судьба того потенциального инструмента инвестирования в серьезной экономической литературе пока не прослежена и ждет своих исследователей.

На втором этапе (1995-1999 гг.) ваучерная приватизация была заменена денежной приватизацией. Это ознаменовало окончание массовой приватизации и окончательно рассеивало первоначальные иллюзии относительно «народного капитализма» и демократизации собственности. Правовой базой стал Указ Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 «Об основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года».

В теории вопроса залоговые аукционы должны были способствовать созиданию новой модели расширенного воспроизводства на основе частной собственности, а также решить вопрос о привлечении в российскую экономику стратегических инвесторов. Объектом приватизации становились не столько государственные предприятия, сколько государственные доли в уставных капиталах уже ранее приватизированных предприятий.

Однако инвестиционная практика оказалась намного богаче теории. Фактически с помощью схемы кредитов под залог акций финансовыми новаторами («олигархами») была реализована возможность приватизировать важнейшие государственные активы при минимальных, или нулевых затратах с их стороны. Государство не получило планируемых инвестиционных средств для реконструкции устаревающего производственного аппарата государственных предприятий и выравнивания многочисленных структурных диспропорций. Однако был достигнут социальный эффект – был создан крупных собственников в ключевых сферах экономики, способных политически и экономически влиять на социально-экономические и политические процессы в стране и за ее пределами.

В 1992 году инвестиции в производственные объекты упали на 44%. До 1999 года снижение капиталобразующих инвестиций по отношению к предыдущему году набрало пугающие темпы: 1993г. – 19%; 1994 г. – 33%; 1995 г. – 11%; 1996 г. – 15%; 1997 г. – 1% [3, С.11]. Даже с учетом необходимости выправления воспроизводственных диспропорций между гра-

жданским и оборонным сектором данное падение свидетельствует об утрате интереса хозяйственных субъектов к обновлению своей технологической базы, или ее расширению.

Централизованные капитальные вложения и инвестиции из собственных средств предприятий в начале трансформационного шока были сделаны руководителями предприятий скорее по инерции, чем отражали их стремление к совершенствованию производственного аппарата в условиях нарастающей нестабильности сбыта готовой продукции и неопределенности своего положения как инвесторов.

Посредством обезличенной (ваучерной) и денежной приватизации в экономике стали активную роль играть капиталы из криминальной среды и сектора, признаваемого ранее нелегальным предпринимательством.

Запредельные нормы прибыли в нелегальном секторе экономики подорвали интерес к организации реального производства, вовлекая значительные массы населения в криминальную экономику. Последнее относится и к сотрудникам государственных структур, которые активно получали вознаграждения за инсайдерскую информацию, или откровенные взятки от бизнеса, размер которых многократно превышал их должностное жалование.

Падение инвестиций по всех отраслях жизнеобеспечения общества, как реакция на трансформационный шок, привело к такому состоянию инвестиционной сферы, которое можно охарактеризовать как инвестиционную катастрофу. Данные показывают ее количественные параметры: если принять за 100 % валовые капитальные вложения в 1990 году, то в 1998 году они составили 21%, в 2000 году – 26%, в 2002 году – 30% [11,С.371; 5,С.242]

Практическая реализация теоретических положений концепции реформ, имевшей в основании функциональный теоретико-методологический подход и отражавшей закономерности экономического поведения хозяйственных субъектов в эпоху свободной конкуренции, привело к «запрещенному» состоянию отечественной экономики. Данное состояние характеризуется разрушением объекта экономического регулирования [2,С.3].

Суженное воспроизводство на фоне деградации отраслей производства средств производства отражает процессы архаизации экономики. Произошло резкое ухудшение показателей использования мощностей машиностроительного комплекса, предприятия которого в советский период производили прогрессивные элементы физического капитала.

Архаичной стала отраслевая структура материального производства. Удельный вес продукции отраслей, выпускающих промежуточный продукт (топливная промышленность, электроэнергетика, черная и цветная металлургия и другие), в общем объеме промышленной продукции составил примерно 50%, в экспорте – 70%. Несмотря на определение западных экономик как постиндустриальных, в них удельный вес машиностроения и металлообработки достигает 40–50%, а вместе с ключевыми отраслями (химической, нефтехимической, лесной, деревообрабатывающей) – 70%, тогда как в российской экономике этот показатель не превышал 30%.

Стремление правительственных теоретиков к установлению макроэкономического равновесия между производством и потреблением типично рыночными инструментами (деньги, цены, подавление инфляции) в принципиально нерыночной среде отечественной экономики мобилизационного типа закономерно привело к экономическому угасанию значительной части предприятий оборонного комплекса, переориентации их на внешние рынки и перехода к пассивным источникам дохода (аренда). Развитие гражданских высоких технологий было лишено источников, а выпуск высокотехнологичной и наукоемкой продукции гражданского назначения на данных предприятиях был практически прекращен.

Одним из конкурентных преимуществ изделий отечественного оборонного сектора на внешних рынках выступала их относительная дешевизна. Данное преимущество было основано на том, что массированные инвестиции в сферу НИОКР были сделаны еще в советский период. По существу находит свое подтверждение хорошо известный в экономической теории эффект «безбилетника». Однако его действие краткосрочно, а его наличие создает неверные ориентиры для экономического развития хозяйствующих субъектов данного сектора.

Во многом опередивших свое время научно-практические разработки отечественных ученых должны быть замещены новыми идеями. Школы физиков-лириков 60-х годов прошлого века должны были иметь кадровую и финансовую подпитку. Но в условиях разрухи научного сектора предприятий оборонного комплекса желающих эффективно работать за оплату ниже прожиточного минимума практически не находилось. Сохранившиеся в научном секторе к 2000 году кадры имели скорее моральную мотивацию к труду при наличии собственного источника дохода вне места их основной работы с последующей иммиграционной перспективой.

Теоретическая модель рыночного спроса-предложения, в том числе и на внешних рынках, статична. Она не отражает состояние будущего, т.к. точка равновесия и кривые спроса и предложения фиксируют, хотя и достаточно условно, предложение и спрос, прежде всего, на индивидуальные блага потребительского назначения. Вместе с тем та часть экономики, в которой сосредоточены научно-технические организации и обслуживающие их производства, невостребованные рынком сегодня, необходима для ее будущего развития, если стратегия государства действительно направлена на прогресс.

Подход к вопросам инвестирования в развитие научно-технического потенциала с мерой рыночной эффективности сегодняшнего дня означает лишение перспективы и отказ от будущего развития. Рыночный успех изделий оборонного комплекса (вертолето-, самолето-, кораблестроения, авиакосмической техники) всегда краткосрочен, если он подготовлен прошлым уровнем развития науки и техники, а инвестиции в новые отрасли научного производства не делаются в необходимых объемах, или запаздывают.

Инвестиционная практика трансформационного периода свидетельствует о том, что исторически тесно связанная с оборонными предприятиями и отраслевой сферой российская Академия наук, а также отраслевые исследовательские центры, были и остаются недофинансированы и не получают необходимых инвестиций в фундаментальные исследования по государственным программам, переориентируясь на частные заказы по конкретным видам исследований. Из-за ожидания частных стратегических инвесторов было сокращено бюджетное финансирование сферы НИОКР. Это привело к тому, что не только замедлились перспективные инновационные исследования в области НИОКР, но внедрение высоких инновационных технологий, на разработку которых потрачены многие годы человеческого труда и огромные инвестиционные средства.

В этот период инновационные продукты в виде разработок всей научно-технической сферы национального хозяйства стали объектом тотальной скупки иностранными фирмами, или просто заинтересованным сторонам, по заниженным ценам как для их дальнейшего использования, так и для их последующего уничтожения. В условиях острой конкурентной борьбы за рынки инноваций, особенно в перспективных отраслях, работающих на человека (космическая медицина, фармацевтика, биотехнология и пр.), такое поведение иностранных инвесторов и спецслужб было рациональным и прагматичным.

Из-за проблемы регулирования отношений собственности на результаты интеллектуального труда передача передовых технологий и научно-технической документации в трансформационный период носила во многом полулегальный характер. По данным отдельных ис-

следователей более 1,5 млн. авторских свидетельств на изобретения и промышленные образцы, около 262 тыс. секретных и совершенно секретных авторских свидетельств СССР, а также приблизительно 330 тыс. документов "для служебного пользования" оказались фактически бесхозными, став легкой добычей для заинтересованных зарубежных организаций. По оценкам экспертов понесенный экономикой ущерб сопоставим с экономическими потерями государства в случае добровольного отказа от лицензирования использования своих природных ресурсов [9].

В 1992–2000 гг. в США было зарегистрировано более 1 тыс. патентов на технологии военного и двойного назначения, авторами которых выступали российские изобретатели, а обладателями патентов и имущественных прав стали иностранцы. В самом российском патентном ведомстве иностранные граждане и организации уже запатентовали множество технологий военного и двойного назначения, авторство на которые принадлежит российским научным коллективам.

Располагая крупным научным потенциалом, наша страна на мировом рынке гражданской наукоемкой продукции официально представлена примерно 0,3% инновационной продукцией. Лидером инноваций являются США (36%) и Япония (30%). Официальные данные не отражают теневой экспорт технологий из России, который в те годы достиг 50–60% официально учтенного. При этом в теневом экспорте на долю разработок в области высоких технологий приходилось до 95%. Кроме того, многие отечественные ученые и представители творческой части инженерно-технических сотрудников активно сотрудничают с иностранными фирмами, передавая свои знания и накопленный опыт потенциальным конкурентам отечественных структур. Из 500 патентов, выданных в 1993–1997 гг. в Соединенных Штатах российским заявителям, более половины поданы с нарушением патентного законодательства РФ и принадлежат фирмам США, Германии, Франции, Великобритании, Южной Кореи. Эти процессы отразили закономерное стремление отечественных домохозяйств, как носителей человеческого капитала, не только материально выжить в условиях трансформационного шока, но и спасти часть своих интеллектуальных усилий, если не для своей страны, то для человечества в целом.

В настоящее время только в США по скромным оценкам работает более 3 млн. интеллектуалов, покинувших РФ в последние 20 лет. Вместе с тем по официально зарегистрированным патентам Россия значительно уступает ведущим странам мира [12, С.298-299]

В условиях отсутствия государственного финансирования и государственного заказа ведущие отраслевые научно-исследовательские институты перепрофилировались, увольняя ведущих научных работников и технический персонал.

К концу первого этапа трансформации отраслевая наука, неразрывно связанная с оборонной отраслью и призванная обеспечить предложения инновационных технологий, фактически перестала существовать в качестве целостного структурного звена народнохозяйственного комплекса. Количественная оценка организаций, выполняющих исследовательские разработки, показывает, что за весь период трансформационных процессов их численность неуклонно сокращалась: если в 1995 году таких организаций было 4059, то в 2002 году – 3906. Численность персонала была сокращена в этот же период с 1061 тыс. до 870,9 тыс. человек, а исследователей с 518,7 тыс. до 414,7 тыс. человек, или на 20%. Однако удельный вес занятых в исследованиях и разработках в общей занятого населения оставался на уровне развитых государств [12, С.54,294]. Это показывает, что научные кадры номинально сохранялись, но переходили на неполный рабочий день, или просто числились для получения символического финансирования со стороны бюджета.

Правильность данного вывода подтверждает тот факт, что российская инновационная сфера значительно проигрывает по показателю инвестиций в исследования и разработки на одного занятого. Если в 1995 году лидер по инвестированию в исследования и разработки Франция расходовала 89391 дол. США на одного занятого, то Россия – 6709 дол. США. В 2002 году лидировала Япония – 124622 дол. США, в то время как Россия – только 14400 дол. США [12, С.294-295].

В этих условиях закономерно произошло снижение удельного веса инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции инновационно-активных предприятий с 16 процентов в 1995 г. до 9,1 % в 2002 году, или на 43 % [5, С.17]. Более того в период 1998-2002 гг. инвестиции в нематериальные активы (патенты, ноу-хау и др. объекты интеллектуальной собственности) в наблюдаемой части экономики упали с 1 % до 0,6% [5, С.21]. Вместе с тем необходимость формирования своей инвестиционной привлекательности приводила к тому, что отдельные крупные бизнес-структуры стремились увеличить долю интеллектуальной собственности в составе балансовых активов. Так, по данным сводного баланса холдинга РАО ЕЭС величина его нематериальных активов только в 2001 году увеличилась в 2,4 раза по сравнению с предшествующим годом [9, С.214].

Снижение инвестиций в реальный сектор экономики было характерно для всех фондо-создающих отраслей экономики, составляющих ядро современной цивилизации и основу инвестиционного комплекса страны. При значительном износе машин и оборудования, а уже он в 1990г. составлял 40,6%, электроэнергетика получила в 1997 году инвестиций в 2 раза меньше, чем в 1991 году [4, С.168]. В данной отрасли снижение объемов реального инвестирования наблюдалась как устойчивая тенденция вплоть до 2000 года.

Строительная индустрия, как часть инвестиционного комплекса страны, в условиях резкого сокращения производственных инвестиций сконцентрировала свою активность в крупных городах. Специализированные для строительства объектов промышленного назначения тресты и управления срочно перепрофилировались на жилищное и дачное строительство вблизи крупных городов. Об этом свидетельствуют данные о сокращении доли строительно-монтажных работ в технологической структуре инвестиций: если в 1995 г. она равнялась 63,9%, то 1998 – 55,1%, а в 2002 г. – 46,1% от общих инвестиций в основной капитал [5, С.24].

Снижение финансирования промышленного строительства не только омертвило уже вложенный капитал. Были не востребованы навыки строительной деятельности миллионов строителей, численность которых сократилась с 1995 г. по 2002 г. на 1,2 млн. человек [5, С.18].

Тенденция к снижению удельного веса инвестиций в основной капитал промышленности устойчиво прослеживалась до 1998 г., когда он составил всего 33,35 % в общем объеме народнохозяйственных инвестиций в основной капитал. Однако и инвестиции в жилищное строительство имели общую тенденцию к падению в общем объеме инвестиций – с 16,3% в 1998 году до 12,8% в 2002г. [5, С.23].

Территориальную протяженность России требует развития транспортной инфраструктура и связи. В 1998 г. падения промышленного производства привело к снижению железнодорожных перевозок по сравнению с 1991г. более чем в 2,5 раза. Падение выручки отмечалось у предприятий автомобильного, водного и авиатранспорта. Снижались показатели эффективности и применения прогрессивных технологий на грузовом транспорте. Вместе с тем наблюдалась определенная тенденция к обновлению основного капитала этих отраслей. Она отражалась в повышении удельного веса данного вида инвестиций в общем объеме инвестиций – с 13,2 % в 1995 году до 18,5% в 1999 г. В большей степени это отражало увеличение

экспортной нагрузки в перевозках, а также расширение нефте- и газопроводов, работающих на экспорт топлива.

Инвестиционный голод, характерный для всего периода, охватил отечественные отрасли, работающие на потребительский сектор экономики.

В 1995 году реальные инвестиции в отрасли легкой промышленности упали почти в два раза, по сравнению с предшествующим годом. Удовлетворение запросов населения в потребительских товарах дешевым импортом и резкое падение покупательной способности населения сделали избыточными развиваемые в советское время производственные мощности. Для многих предприятий легкой промышленности рыночная трансформация закономерно окончилась их ликвидацией, что привело к потере легкой промышленности в качестве целостного звена национального общественного воспроизводства.

В условиях резкой потери интереса к аграрному виду экономической деятельности со стороны государства данный сектор терял свое «индустриальное» лицо. Создание мелкотоварного фермерского хозяйства ухудшило по сравнению с советским периодом соотношение между инвестициями в сельское хозяйство и промышленностью. Так, если в 1990 году данное соотношение составляло 1 к 2, то в 2001 году – уже 1 к 10 при общем падении реальных инвестиций в народное хозяйство страны [11, С.373; 5, С.27].

Ухудшение технико-технологических показателей стало характерным для всех подотраслей сельскохозяйственного производства. При этом снижались количественные показатели деятельности отрасли. К 1997 году площадь сельхозугодий, на которых проводились технические работы, сократилась по отношению к 1990 году в 18 раз. К 1997 году площадь животноводческих помещений для содержания крупного рогатого скота сократилась в 22 раза, овец – в 15 раз [3, С.13].

В 1998 г. в аграрном секторе преобладало мелкое производство в личных подсобных хозяйствах. Так, в них производились 91,2 % всего картофеля; 79,6% овощей; 88,1% меда; 56,9% мяса; 48,3% молока; 30,1% яиц и 55% шерсти [16, С.80]. Данные свидетельствуют о деиндустриализации аграрного сектора. Эти процессы закономерно привели к зависимости личного потребления населения от импорта важнейших продуктов питания при ухудшении структуры питания.

К 1998 году по сравнению с исходным состоянием реальное положение производительных отраслей и динамика их технико-технологического развития резко ухудшилось по всем ключевым показателям. Инвестиционный голод привел к фазовому падению экономической системы с последующей ее самоорганизацией на нисходящем тренде движения. Это привело к переходу российской экономики к более низкому уровню развития по сравнению с исходным состоянием. В этом отношении справедливо замечание известного отечественного экономиста Р.С.Гринберга: «Но прыжок из индустриального прошлого в постиндустриальное будущее не состоялся; в результате потери чувства меры и прагматизма после двадцать лет реформ мы создали экономику без индустрии, перешли из второго, вполне конкурентоспособного по международным меркам мира, в третий мир» [10, С.7]

Таким образом, теоретические аксиомы, выведенные экономистами в рамках функциональной парадигмы экономического знания, об априорной способности рынка очистить экономику от воспроизводственных диспропорций не пригодны в качестве основного элемента государственной политики в индустриальном и тем более постиндустриальном обществе.

Теоретические построения, на которых разрабатывались правительственные программы на 1993 – 1995 гг. и 1995–1997 гг., имели в основе абсолютизацию таких рыночных инструментов и механизмов, как денежно-кредитная и финансово-денежная политика государства. Обострение проблем реального сектора экономики, а именно структурного кризиса и потери

значительной части наиболее ценной его части – научно-технического потенциала страны, было запланированной частью данных программ.

Главная цель среднесрочной Программы Правительства России «Реформы и развитие Российской экономики в 1995–1997 годах», утвержденная Постановлением Правительства РФ № 439 от 28 апреля 1995 года, была сформулирована следующим образом: добиться в течение 1995–1997 годов возобновления экономического роста, для чего необходимо создать механизмы высокоэффективных инвестиций и благоприятный инвестиционный климат.

Данная цель не была достигнута, равно как и целевые установки всех последующих программных правительственных документов. Однако при более детальном разборе положений Программы на 1995 – 1997 гг., а, также, зная реальные последствия, становится очевидным, что речь в ней шла о финансовых инвестициях, активизации операций с ценными бумагами акционированных предприятий и долях в уставных фондах государства.

При отсутствии у субъектов экономической деятельности мотивации к расширенному воспроизводству удельный вес реального сектора в структуре национальной экономики неуклонно сокращался. Увеличивалась доля в десятки раз более доходной виртуальной экономики. К финансовым потрясениям для населения страны привел курс на приглашение к игре с государственными казначейскими облигациями иностранного спекулятивного капитала при слабом развитии и регулировании отечественного финансово-кредитного сектора. Ослабление финансовой позиции российского государства закономерно закончилось объявлением дефолта по государственным казначейским облигациям. На долгие годы российская экономика лишилась возможности мобилизации ресурсов на финансовых рынках в виду недоверия инвесторов к самому государству.

В условиях глобализации теоретическая цель макроэкономической стабилизации, формулируемой как равновесие рыночного спроса и предложения, при жестких финансовых ограничениях в конечном итоге может быть реализована при отсутствии всякого отечественного производства и спроса со стороны населения. С этих позиций идеальной моделью макроэкономического равновесия следует считать натуральное хозяйство с его примитивными связями между производством и потреблением («произвел – потребил»).

События лета-осени 1998 году (дефолт) наглядно показали, что доминирование финансовых инвесторов и финансово-кредитного сектора, многократный разрыв в доходности инвестиций между реальным и виртуальным секторами экономики, засилье иностранных и отечественных спекулянтов на финансовых рынках, долларизация отечественной экономики закономерно усугубляет кризис во всех сферах общественного воспроизводства, выявляя его природу как системного. Для слабых государств пирамидостроительство в области государственных финансов, возведенное в ранг государственной экономической политики, приводит к несостоятельности государства как экономического субъекта.

Сбережения и текущие доходы населения, активы и резервы отечественных организаций, выраженные в национальной валюте во всех сферах экономики, еще раз обесценились. Ценные бумаги государства, находящиеся у населения и бизнес-единиц, многократно упали в рыночной цене. Вместе с тем издержки хозяйствующих субъектов покрыли издержки государственной политики за годы реформ и внутренний государственный долг. Однако государственные обязательства перед внешними кредиторами, зафиксированные в долларах США, возросли пропорционально падению курса рубля РФ. Крах системы государственных ценных бумаг в 1998 году подорвал доверие к финансово-инвестиционной деятельности государства. В этом плане ограничили возможности государства в использовании данного инструмента мобилизации инвестиционных ресурсов общества.

Инвестиционный потенциал экономики после событий 1998 года резко снизился, а международный инвестиционный рейтинг страны и предприятий упал до катастрофических отметок. В реальном секторе экономики в 1998 году произошло сокращение промышленного производства: оно составило 4,6% по отношению к предыдущему при снижении объема инвестиций – 6,7% против 5,0 % в 1997 году. Инвестиции в производственное строительство составили всего 18 % от уровня 1990 года [3, С.23–24].

Более сложная картина сложилась в аграрном секторе, где по расчетам специалистов реальные инвестиции за шесть лет, начиная с 1992 года, упали почти в 20 раз [3, С.11].

В социальной сфере абсолютное падение инвестиций было отмечено во всех ее отраслях – в жилищное строительство, здравоохранение, образование. Это многократно ухудшило социальные показатели развития российской экономики.

В долгосрочной перспективе установление курса рубля по отношению к доллару США на новом уровне оказало на реальный сектор экономики определенное стабилизирующее воздействие. Но отраслевая структура производства продукции приобрела ярко выраженную топливно-сырьевую направленность. Статистика тех лет показывает, что к началу второго этапа трансформационных преобразований доля сырьевых и топливно-энергетических отраслей в производстве продукции промышленности составила 56,2%, и увеличилась в сравнении с 1992 г. на 7,8 %

С августа 1998 года начинается новая волна экономических преобразований, которую можно определить как постдефолтная. Анализ данного периода развития трансформационной экономики показывает, что произошла определенная смена теоретико-методологических подходов к формированию государственной политики, а, именно, отход от концепции рыночного фундаментализма.

Экономистами и практиками неоднократно давалась убедительная критика положений рыночного фундаментализма еще до начала трансформационных преобразований в отечественной экономике. Социал-демократическая критика основных положений рыночного фундаментализма берет свои корни в ранних произведениях марксизма. Однако практика социальной трансформации в конце прошлого века позволила обогатить критический анализ данной теоретической концепции. Среди ее критиков определенное место принадлежит видному финансисту Дж. Соросу, которого никак нельзя причислить к сторонникам социал-демократической критики капитализма и рыночного хозяйства.

Дж.Сорос опровергает следующие положения и дает убедительную их критику, с которой следует согласиться:

- Во-первых, сторонники рыночного фундаментализма моделируют не реальное человеческое поведение, а строят свои модели на определенном представлении о рациональном поведении;
- Во-вторых, ценности общества сведены к собственным интересам и индивидуальному эгоизму;
- В-третьих, сторонники рыночного фундаментализма утверждают, что только теория общего экономического равновесия показывает путь к достижению общего блага;
- В-четвертых, сторонники рыночного фундаментализма убеждены, что рынку надо предоставить свободу, и в нем заложен автоматический механизм коррекции ошибок и рынок всегда прав [14, С.202].

Практическое применения положений данной концепции сокрушило государственное регулирование отечественной экономики, подорвало основы воспроизводства национального товаропроизводителя.

Создание воспроизводственного механизма производства благ, как созидательный процесс, возможно благодаря инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов, заинтересованных в реализации экономической власти и получению экономических выгод в реальном секторе экономики. Достижение социально-экономических показателей советской воспроизводственной модели и начало экономического развития, в основе которого будут лежать качественный рост, можно рассматривать в качестве частного критерия завершенности всего переходного процесса и достижение качественно нового прогрессивного уровня развития национального хозяйства и его социальной составляющей.

Методы государственного регулирования в постдефолтовское время, примененные новым российским правительством, позволили частично восстановить управляемость экономикой, и перейти ко второму этапу трансформационных преобразований.

Завершение первого этапа трансформационных преобразований позволяет дать характеристику трансформационной экономики. Применительно к российской экономике трансформационная экономика характеризуется следующими чертами:

- с формационной стороны: преобладанием раннекапиталистических социально-экономических отношений с преобладанием неэквивалентного обмена труда на фонд жизненных средств наемных работников;
- с цивилизационной стороны: наличием значительных масс доиндустриальных и индустриальных форм труда, архаизацией производственного аппарата реального сектора экономики;
- со стороны общественной координации: неразвитыми рыночными механизмами конкуренции и перелива капитала, значительной экономической ролью олигархических структур и естественных монополий;
- с позиции участия во внешнеэкономических отношениях и международном разделении труда: отечественный рынок стал рынком сбыта потребительских товаров, в т.ч., контрафактных, а отраслевая экономика стала источником минеральных и топливно-энергетических ресурсов для западных экономик;
- с институциональной стороны: разрушенными старыми институтами государственного управления и планирования, наличием институтов теневой экономики как равноправных институтов общественного регулирования и развитием институтов коррупции как механизма координации групповых интересов структур, обладающих экономической властью;
- с социо-культурной стороны – слабым восприятием основными хозяйствующими субъектами российской экономики ценностей новоевропейского времени (рационализма, индивидуализма, либерализма, правовых норм и др.) и идеализацией властными структурами данных ценностей [9].

Одной из характеристик методов государственного регулирования является постоянное предложение властными структурами реформаторских программ, в которых декларируется необходимость технико-технологического обновления без изменений отношений собственности, которые сложились в результате ваучерной и денежной приватизации государственной собственности в начале и середине 90-х годов прошлого века.

К числу основных вопросов технико-технологического обновления относится формирование инновационного аттрактора российской экономики. Решение данной группы вопросов требует рассмотрение инвестиционных источников и роли государства как инвестора в реальный сектор экономики.

В трансформационной экономике сложилась уникальная ситуация: государство, являясь собственником устаревшего производственно-технического аппарата, сознательно уклоняется от активной предпринимательской и инвестиционной деятельности. Иными словами, у собственника отсутствовали побудительные мотивы к получению результата инвестиционной деятельности – инвестиционного блага, а инвестиционный потенциал страны сознательно уменьшался, обращаясь в запасы и резервы в форме стабилизационного фонда и золотовалютных запасов.

Данная ситуация во многом является отражением теоретических концепций проправительственных экономистов и международных финансовых организаций, основанных на функционально-линейном видении экономических процессов. В специфических условиях трансформационной экономики, когда бюрократический аппарат, по сути, отделился от государства и перестал выражать интересы общества, есть и другие основания для объяснения сложившейся ситуации в инвестиционной сфере. Однако данные основания лежат за пределами традиционного фона отечественной экономической науки. Причины такого поведения российского государства могут быть описаны с помощью понятийно-категориального аппарата, выработанного в рамках институционального направления современной экономической мысли для объяснения криминализации экономики. Очевидно, что государство, как особый общественный институт, сознательно уклонялось от применения правовых норм, или делало это выборочно (например, дело ЮКОСа) и на нерегулярной основе (например, показательное разоблачение взяточничества чиновников, оборотней в погонах и прочие мероприятия).

Наращивание инвестиционно-инновационного потенциала требует наличия значительных внутренних источников накопления. Макроэкономическое уравнение требует равенства инвестиций и сбережений. Чрезвычайно актуален для современной российской ситуации акцент, сделанный отечественными экономистами на теоретических положениях о внутренних и внешних источниках расширенного воспроизводства и реальных инвестиций.

Согласно первому положению в закрытой экономике бюджетный дефицит выступает дополнительным возможным источником инвестиций при условии проведения Центральным банком страны инвестиционно-ориентированной денежной политики и монетизации государственного долга в пределах потребности экономики в деньгах. Согласно второму положению для открытой экономики «политика, стимулирующая инвестиции, ведет к положительному сальдо счета движения капитала и к дефициту текущего счета» [6, С.302]. Как следует из отчета ЦБ РФ, в 2004 году наблюдалась прямо противоположная картина: профицит бюджета (4,4 % ВВП), активное сальдо счета текущих операций возросло в 1,7 раза, а чистый вывоз капитала составил 9,4 млрд. дол. США против 1,9 млрд. дол. США в 2003 году [7, С.8]. Иными словами активно перетекал капитал в экономики развитых стран.

Из приведенного выше примера, очевидно, что государственные структуры в лице Центрального банка России и Правительства РФ проводили не стимулирующую реальные инвестиции политику. Монетарные рецепты, выписанные для российской экономики международными организациями, объективно вели к снижению ее инвестиционного потенциала. Проводимая государственная политика не была ориентирована на максимизацию инвестиционных источников роста российской экономики.

В российской экономике наблюдался, с одной стороны, инвестиционный голод, приведший к глубокой деградации производственного аппарата, консервации строек, ликвидации

наукоемких производств, утрате части человеческого капитала и военного потенциала страны. С другой стороны, государство не демонстрирует активное инвестиционное поведение, наращивая резервы и запасы, величина которых уменьшает инвестиционный потенциал страны. Быстро росли золотовалютные резервы: только в 2004 году они выросли в 1,6 раза и составили 124,5 млрд.дол.[7,С.8]. В дополнении к этому валюта от продажи на мировых рынках углеводородного сырья «стерилизуются» и превращается в казначейские обязательства третьих стран. При этом приводится некорректная аналогия: в пример ставится опыт Норвегии – страны, занимающей первое место по индексу человеческого развития, рассчитываемого международными организациями.

В этой связи экономисты справедливо указывают на теоретическую противоречивость выводов международных экспертов. С одной стороны, снижение мировых цен на углеводородное сырье стало неблагоприятным фактором, приведший к реальным трудностям в советской экономике в конце 80-х годов прошлого века. Наличие данных трудностей во многом облегчило инициаторам трансформационных процессов начало активных действий по смене вектора социально-политического развития и «выскакивания из коммунизма». С другой стороны, и благоприятная мировая конъюнктура на сырьевых рынках, обеспечившая приток значительных валютных средств, не способствует экономическому развитию страны. Денежная масса рассматривается как избыточная и создающая преграду на пути роста валового продукта из-за инфляции, которая якобы будет вызвана инвестированием в реальный сектор национальной экономики.

Необходимость перекрытия доступа государственных сбережений в реальную экономику в теоретическом аспекте обосновывается необходимостью установления макроэкономической стабилизации и подавления инфляции. Этот тезис вытекает из монетаристских подходов и собственных мотиваций правительственных чиновников и консультирующих их экспертов.

Теоретические концепции макроэкономической стабилизации в рамках функциональной методологической концепции не разрабатывались родоначальниками данной ветви экономических знаний для трансформационных экономик. Данная исследовательская программа строилась в другой исторической, культурологической и внутринаучной среде.

Предложенная к практической реализации в российской экономике неолиберальная концепция отражает теоретические обобщения социально-экономических процессов в укорежившейся рыночной среде. Очевидно этот теоретический конструкт «не срабатывает» на прогрессивное развитие в условиях трансформационности и иной социо-культурной среды. Более того, в нем не заложена способность российского населения «сжимать» потребление до физиологического минимума и оппортунистически реагировать на негативные изменения экономической среды.

Концептуальные положения монетаристского подхода в настоящее время не разделяют многие известные западные экономисты (Дж. Стиглиц, Л. Клейн, Д. Норт и др.) [13]. Сам концепт макроэкономической стабилизации внутренне противоречив. Истинность знаний, сгенерированных в рамках функционального подхода к макроэкономике, пока не нашла своего подтверждения практикой трансформационных экономик. Известный экономист Н. Грегори Мэнкью справедливо утверждает, что «макроэкономическая теория еще не достигла завершенности ... многие вопросы ... остаются предметом острых дискуссий» [6,С.694]. Лауреат Нобелевской премии по экономике Джеймс Тобин писал, что опасной ошибкой является вера в то, что монетарная стабильность представляет собой достаточное условие для оживления производства, перестройки промышленности и достижения необходимой реаллокации ресурсов [13].

Большинство российских экономистов, исследующих проблемы экономического роста (Глазьев С., Львов Д., Маневич Е., Кузык Б. и другие), теоретически обосновывают необходимость проведения активной инвестиционной политики государства и создания условий, при которых инвестиции будут сбережениям. Искусственное сдерживание источников инвестиционного роста и сознательное уменьшение инвестиционных источников приводит к разрушению производственного и научно-технического потенциала в отраслях реальной экономики.

В качестве серьезного теоретического аргумента, выдвигаемого в качестве обоснования правомерности создания государственных резервов и запасов, выступает необходимость подавления инфляции.

Это типично монетарный подход к объяснению инфляции, который отражает узкую трактовку ее причин. Критика данного подхода была дана экономическими школами еще в середине 19 века.

Советскими исследователями была обоснована другая точка зрения, которая указывала на причину инфляции – это воспроизводственные диспропорции: «Непосредственные её причины – объективно происходящие изменения в объеме и структуре общественного производства...» [15,С.51].

Товарно-денежное обращение тесно связано с воспроизводственными процессами, отражая диспропорции между сферами, секторами, подразделениями и отраслями общественного воспроизводства. Поведение экономических агентов в трансформационный период позволяет прийти к выводу об актуальности положения о «рукотворных» инфляционных процессах, когда используются для регулирования хозяйственной жизни рыночные инструменты в нерыночной среде (либерализация цен, снятие монополии внешней торговли и пр.).

Меры по подавлению инфляции в десятилетнем периоде (1995-2004 гг.) дали определенные результаты. В 2004 году индекс роста цен на потребительские блага составил 111,7% к предшествующему году, тогда как в 1995 – 230%. Среднегодовой прирост потребительских цен за 2000-2004 годы составил 15,5%, а цены производителей на промышленную, сельскохозяйственную продукцию и строительно-монтажную продукцию составляли, соответственно, 20,3%, 20,2% и 19,9% [9,С.229].

Сдерживание инфляции исключительно монетарными методами в экономике неукоренившихся рыночных отношений закономерно привело к экономическому кризису и разрушению производственного комплекса страны. Государственное регулирование инвестиционной деятельности должно быть направлено на преодоление углубляющихся секторальных, сегментарных, фазовых, отраслевых, территориальных диспропорций. Антиинфляционные мероприятия должны носить комплексный характер, и опираться на прогрессивные изменения в структуре национального хозяйства, соблюдение пропорций денежного и товарного обращения, реального и финансового секторов.

Игнорирование теоретических положений о структурной природе инфляции обусловлено аксиомами рыночных фундаменталистов. Проводимая в тот период экономическая политика, сводящая роль государства к «ночному сторожу» образца 18 века, привела к тому, что рост производительности труда, результативность национального хозяйства и инвестирование исчезли из списка вопросов, стоящих перед правительственными экономистами. Абсолютизация тезиса о «примате производства», имевшее место в теории и практике советского периода развития нашей страны, в государственной экономической политике российского государства заменена другой крайностью.

Возврат к методологии функционального видения, выработанной экономистами в 19 веке для объяснения закономерностей эволюции локальных рынков, не способствовал действительному решению задач по формированию эффективного воспроизводственного механизма

российской экономики в 21 веке. Постоянное ожидание стратегических инвесторов, понимаемых как собственников крупных частных капиталов, отражает феномен иллюзорности экономического мышления в русле функционального видения экономических процессов. По существу в конце 20 века в полной мере раскрутился очередной виток концепции «эффективного собственника», которая в 80-е годы прошлого века легла в обоснование изначальной неэффективности коллективных (государственных) форм труда.

Неинвестиционное поведение государства, как следствие теоретических догм монетаризма, негативно повлияло на других субъектов инвестиционной сферы. В макроэкономической теории широко известно явление, получившее название «стадное чувство». Поведение одного из инвесторов приводит к возникновению массового чувства оптимизма или пессимизма в оценке состояния экономики, влияющее на мотивацию инвесторов и уровень инвестиций [6, С.722]. Как и любое явление, связанное с будущим и неопределенностью, инвестирование подвержено влиянию совокупности факторов, отражающих особенности психической деятельности человека.

Проведение активной инвестиционной политики государства – это не возврат к принципам функционирования планово-мобилизационной экономики. Это необходимое условие для преодоления негативной и устойчивой тенденции архаизации и деиндустриализации российской экономики, которая проявилась в трансформационный период ее развития. Разнообразные формы долгосрочных инвестиционных вложений со стороны государства, государственных и частно-государственных бизнес-единиц в обновление производственного аппарата на прорывных направлениях технологического прогресса являются сигналами для активной инвестиционной деятельности отечественных и иностранных предпринимателей.

Инвестиционная деятельность экономических субъектов должна опираться, прежде всего, на всестороннее использование имеющихся в стране внутренних источников накопления. Привлечение прямых иностранных инвестиций выступает важным, но дополнительным источником инвестирования в реальный сектор национальной экономики.

Таким образом, анализ инвестиционной практики трансформационного периода показал ограниченность положений функциональной парадигмы экономического знания в качестве теоретического обоснования государственной инвестиционной политики, а также актуальность создания современной теории накопления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) /Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. М.: Издательство «Олита», 2004. –189 с.
2. Анисимов А.Н. Анализ макроструктурной перестройки экономики. М.:Наука,1993.–128 с.
3. Бард В.С., Бузулуков С.Н., Дрогобыцкий И.Н., Щепетова С.Е. Инвестиционный потенциал Российской экономики. М.: Экзамен, 2003 – 320 с.
4. Белая книга. Экономические реформы в России.1991–2001 / С. Ю. Глазьев, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Батчиков.М.: Алгоритм, 2002. – 432 с.
5. Инвестиции в России.2003:Стат.сб/ГоскомстатРоссии. М.: Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2003.– 252 с.
6. Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. Пер. с англ .М.: Изд-во МГУ,1994.–736 с.
7. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2004 году. М.: ЦБ РФ, 2005.– 101 с.
8. Программа Правительства Российской Федерации «Реформы и развитие Российской экономики в 1995–1997 годах», утв. Постановлением Правительства РФ № 439 от 28 .04.95г.
9. Платонова Е.Д. Современная теория и практика накопления (трансформационный аспект)/ Под ред. д.э.н., проф. Е.В. Юфревой. М.: Изд-во АПКИППРО, 2006. – 370 с.
10. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография. М.: Научный эксперт, 2012. – 288 с.
11. Российский статистический ежегодник.1994.Статистический сборник. М: Госкомстат России,1994. – 799 с.
12. Россия и страны мира.2004.Стат.сб./Росстат. М. Госкомстат 2004. – 403 с.
13. Реформы глазами российских и американских ученых /Под ред. акад. О.Т. Богомолова. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1996. – 267 с.
14. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки Культуры, Образования и Новых Информационных Технологий,2001.– 460 с.
15. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т.2. М.: Советская энциклопедия,1975. – 560 с.
16. Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 9. М.: МГУ, 2003. – 192 с.

Рецензент: Гущин Игорь Александрович, исполнительный директор, к.э.н., ООО «Бизнес консультирование, менеджмент и аудирование»